

Мишель Вико

История о том,
как у Кощея Бессмертного
ЗОЛОТО ПОХИТИЛИ

Мишель Вико

**История о том, как у Кощея
Бессмертного золото похитили**

«Издательские решения»

Вико М.

История о том, как у Кощея Бессмертного золото похитили /
М. Вико — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740632-5

Богатырь Василий, простой паренёк Иванко, красавица Алёнушка и два старых дядьки идут в царство Кощея Бессмертного искать Злыдня Великана и его нового адъютанта Фому, который помог атаману сбежать из заточения. Злыдня с Фомой пришли к Кощею, чтобы украсть у него из сокровищницы золото, а Василий со своими друзьями собрался вернуть беглецов Новгородскому князю за награду. Сказка задумывалась в продолжение мультфильма «Алёша Попович и Тугарин Змей», но была переписана в самостоятельную историю.

ISBN 978-5-44-740632-5

© Вико М.

© Издательские решения

Содержание

1. С чего всё начиналось	6
2. Бегство Злыдни Великана	8
3. Бояре сообщают Новгородскому князю о бегстве Злыдни Великана	10
4. Фома и Злыдня Великан	13
5. При каких обстоятельствах произошло знакомство Василия с Иванко	15
6. С кем беглецы повстречались на пути в Кощеево царство	17
7. Новгородский князь решает, что делать с провинившимися	20
8. Иванко и Василий знакомятся с Алёнушкой, а Злыдня Великан и Фома, плывя по реке, волею судьбы претерпевают на ней, одну за другой, две неудачи	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

История о том, как у Кощея Бессмертного золото похитили

Мишель Вико

Дизайнер обложки Мишель Вико

Редактор Мишель Вико

© Мишель Вико, 2018

© Мишель Вико, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-0632-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. С чего всё начиналось

Была спокойная тёплая майская лунная ночь, когда несметная иноземная армия под предводительством широко известного свирепого и хладнокровного атамана Злыдни Великана, не объявляя предварительно никакой войны или хотя бы обыкновенного ультиматума, сохраняя строжайшую скрытность и полную конфиденциальность, разрозненно заявила на землю русскую в окрестности Новгородского княжества. Целью появления многочисленного войска в сём месте стало желание в одночасье, сплотившись под покровом ночи в грозную силу, вероломно напасть на Великий Новгород, дабы его завоевать.

Сказав о том, что Злыдня Великан был широко известен, я хотел довести до сведения моего уважаемого читателя, что упомянутый мною иноземный предводитель сумел сыскать себе неугасаемую славу во всём мире, именно как раз за счёт своих ратных подвигов на поприще полнейших завоеваний, и сразу же за этим следовавших опустошительных разорений покорённых европейских городов.

И поскольку душа любого завоевателя и диктатора, дабы потешить своё тщеславие всегда тянется к расширению собственного самоутверждения путём порабощения слабых людей, городов, государств, то и Злыдня Великан не став, как говорится в этом деле исключением, лихо, прогулявшись разгульной войной по всей Европе, пожаловал всё с тем же устремлением к всемирному владычеству, на землю русскую.

Что же касается агрессивно настроенной армии великого иноземного полководца, то и каждый её злобный воитель в отдельности взятый, насквозь пропитанный громогласными лозунгами своего неустрашимого командарма, касавшихся от первого слова до последнего целиком и полностью захвата чужих земель, никогда даже и не сомневался в том, что несёт в себе именно такое предназначение, коим и было верное исполнения воли атамана.

Теперь же, после короткого пояснения я продолжаю повествовать дальнейший ход событий произошедших в столь стародавние времена, что никто ныне и не скажет точной даты всего некогда случившегося.

Пользуясь тем, что вместе с жителями Великого Новгорода спали и княжеские дружинники, стоявшие в дозоре; такое бывало и тогда; Злыдня Великан, предвкушая весьма лёгкую победу, подвёл своё войско почти под самые стены города. И если бы не вмешательство в происходящие события, странствующего старика Гусляра, следующего утра для жителей Великого Новгорода могло бы уже и не быть.

Итак, когда иноземное войско, сверкая в лунном свете сталью своего вооружения, заняв боевую позицию, приготовилось к нападению, а сам предводитель армии Злыдня Великан, вынимая любимый меч из ножен, собирался отдать команду на штурм Великого Новгорода, совсем неожиданно недалеко от ворот города, опираясь на посох, возник старик Гусляр.

И его бы может даже никто в темноте не заметил, если бы не одно но...

Воткнув посох в землю, старик Гусляр расположил свои гусли, висевшие у него на плече на ремнях перед собой, после чего озарившись весёлой улыбкой в седой бороде, ударил пальцами по струнам. Зазвучала волшебная музыка и всё войско Злыдни Великана, включая его самого, побросав всё оружие, пустилось в развесёлый перепляс, одновременно направляясь в сторону городских ворот, туда, где стоял неизвестно откуда взявшийся старик Гусляр.

От звуков волшебной музыки на городских стенах проснулись и начали плясать княжеские дружинники. Ну а старик Гусляр, прихватив свой посох, не спеша направился ещё ближе к главным воротам Великого Новгорода, уводя вслед за собой пляшущее иноземное войско, чтобы отвести его подальше от брошенного в чистом поле оружия. Как только они приблизились к каменным стенам города, музыка смолкла и старик Гусляр, не мешкая прям быстрее ветра, исчез в ночной тишине, словно его здесь вовсе и не было. Спустя некоторое время, ино-

земное войско, придя в себя от действия волшебной музыки, хотело было повернуть обратно в поле за своими мечами и саблями, как вдруг с громким скрипом распахнулись главные ворота Великого Новгорода, и оттуда с гиканьем и улюлюканьем выскочила вооружённая до зубов дружина Новгородского князя.

В страхе, оставшиеся без оружия иноземные воины ни секунды не мешкая, что называется, не тратя времени на бесполезные размышления, бросились наутёк, словно свора перепуганных шакалов. Только Злыдня Великан, подобрав с земли какую-то оглоблю, свирепо пыхтя, начал ожесточённо размахивая ею, отбиваться от наседавшей на него княжеской дружины. Но, не смотря на упорное сопротивление бывшего предводителя иноземного войска, войска позорно сбежавшего в непроглядную ночную глушь, княжеские дружинники, пользуясь своим численным преимуществом, а также великолепной тактикой боя, начали теснить Злыдню Великана, попутно ища удобный момент, чтобы набросить на него большую сеть. Поняв замысел дружинников, Злыдня Великан стал всячески препятствовать любой возможности, при которой дружинники смогли бы воспользоваться заготовленной сетью.

И всё-таки старания его хоть и были чрезмерно усердными, а всё одно никак не шли в сравнение с упорством княжеских дружинников, которые всё время, сменяя друг друга в первых рядах нападающих, не давали Злыдне Великану никакой передышки.

Изрядно подустав, Злыдня Великан не устоял перед дружными действиями своего противника, и случайно допустив ошибку в обороне, предоставил княжеским дружинникам шанс использовать сеть.

Сражение было закончено. Атамана, словно сердитого дикого зверя, спеленали крепкой сетью в два оборота, поверх которой дополнительно для большей надёжности связали толстой пеньковой верёвкой.

После этого ни капли с ним, не церемонясь, прямо волоком по грязной и сырой дороге, сплошь покрытой большими лужами воды из-за недавнего дождя, оттащили на княжеский двор, где в завершение полонения грозного врага, как есть, не снимая с предводителя надёжных пут, приковали там к большому толстому дубовому столбу.

Утро нового дня для всех Новгородцев обозначилось лихой вестью, что город их родной ночью пытались захватить, и только лишь благодаря доблестной дружине княжеской, которую теперь надобно славить во всеуслышание на всех землях великого княжества Новгородского, да и далеко за его пределами, сему событию крайне нехорошему не дано было случиться.

Войско несметное иноземное коварно посягнувшее на Великий Новгород было разбито, а предводитель его тут же схвачен и в клеть железную, что на площади городской вблизи княжеского двора к утру нового дня была сооружена, посажен.

И теперь всяк желающий может на великана сего пойти посмотреть не опасаясь его силы немалой, ибо клеть сия на железном замке, и стерегут её дружинники княжеские, как зеницу ока, не оставляя полонённого врага без должного присмотра и на краткий миг.

2. Бегство Злыдни Великана

Спустя несколько дней после календарной даты той самой ночи, под покровом которой был схвачен, а затем сразу же посажен в клетку Злыдня Великан, той самой ночи, о которой можно смело сказать, что она стала судьбоносной для всех её участников, как прямых, так и косвенных, включая сюда естественно и Новгородских жителей, жизнь в Великом Новгороде вернулась в прежнее русло.

Интерес Новгородцев к бывшему атаману иноземного войска поутих, и стоит заметить, довольно быстро, отчего про него даже стали понемногу забывать. Во всяком случае, многоликая армия каждодневных ротозеев возле стальной клетки со Злыдней Великаном, как-то на всеобщее удивление княжеских дружинников резко поубавилась. Так, время от времени заходили на площадь возле княжеского двора приезжие люди, поглазеть на грозного иноземца, слух о котором стараниями княжеской свиты, да молвой народной, был чрезвычайно велик, да детвора местная изредка навевывалась к великану ради забавы посмотреть, как он на всех скалится, и глухо злобно рычит. В остальное время кроме жителей Великого Новгорода, спешивших через городскую площадь по своим делам, почти совсем не обращавших отныне на него никакого внимания, да постоянной охраны из числа дружинников княжеских, Злыдня Великан никого возле себя уж и не видел.

И кажись, было бы всё в Великом Новгороде по-прежнему хорошо, но случилось непредвиденное, то, чего никто не ожидал...

В тихую лунную ночь, когда небесное ночное светило стало клониться на убыль, стремясь, в конечном счёте, превратиться в тонкий полумесяц, негромкий короткий скрип открывающейся двери, прорезал ночную тишину княжеского двора.

В ту же секунду силуэт маленького человечка, отделившись от стены дома, прошмыгнул за ворота княжеского двора, а, там не останавливаясь по городской площади, и замер возле железной клетки, стоящей в самом её центре.

Выглянув из-за клетки, человечек стал прислушиваться, но ничего кроме шумного дыхания Злыдни Великана и тихого сопения его сторожей не услышал. Маленькие бегающие глазки оглядели крепко спящих возле клетки двух княжеских дружинников, полагавшихся на толстые стальные прутья клетки, оттого и поддавшихся навалившемуся сну. После этого оглянувшись по сторонам, Фома, так звали человечка, крадучись подошёл к висевшему на дверце клетки замку. Остановившись, Фома протянул руку с палкой в клетку и слегка толкнул ею спящего Злыдня Великана.

Шумно вздохнув, Злыдня Великан открыл глаза, и уже было собрался негромко рявкнуть, как увидел Фому приложившего указательный палец к своим губам.

– Прошу прощения за столь поздний, можно сказать неурочный визит, из-за которого мне пришлось потревожить ваш драгоценный покой, ваше превосходительство, но иначе просто было, поверьте мне на слово, никак нельзя, – скороговоркой прошептал Фома. – Понимаю ваше законное удивление, связанное с неожиданным моим появлением, которое вас взволновало, но вам право же не стоит беспокоиться, потому что я здесь сейчас только для того, чтобы помочь вашему сиятельству.

– Кто ты? – тихо рявкнул Злыдня Великан, всматриваясь в худое вытянутое лицо маленького человечка.

– Ваш покорнейший слуга, ваше благородие, – с поклоном ответил Фома, приложив руку к груди.

– Освободи меня! – тихо прорычал Злыдня Великан, поднимаясь на ноги, и также тихо добавил, – в шелках дорогих ходить станешь, на золоте всегда есть, спать будешь.

– Сей момент, и не извольте даже самую малость беспокоиться ваше величество, потому что я это делаю не из-за золота или какой-либо другой высокой награды, а только лишь по причине чрезвычайно глубокого искреннего уважения к вам, – кивая головой, затараторил Фома, торопливо доставая из-за пазухи ключ, одновременно поглядывая на крепко спящих дружинников. – К тому же я безмерно полон решимости, исправить досадное недоразумение, касающееся того, что такая выдающаяся личность, как вы, совершенно несправедливо, против вашей личной воли, посажено в эту ужасную клетку.

После всех своих слов Фома повернул в замке ключ и, открыв дверцу клетки, сделал шаг назад, почтительно склоняя голову перед выходящим на свободу Злыдней Великаном.

– Свобода, – выдохнул Злыдня Великан сразу же затем, как выйдя из клетки, с наслаждением глубоко втянул в себя ночной прохладный весенний воздух, глядя на убавляющуюся луну, одиноко висящую в безоблачном небе на фоне звёздного ковра.

– Что прикажете ваша светлость? – спросил Фома, взглянув на заметно повеселевшего атамана.

– Бумагу и чернила! – коротко изрёк получивший свободу предводитель, не отходя от клетки.

Не смея спросить, зачем сие было надо, Фома как сумел быстро, исполнил волю Злыдни Великана.

3. Бояре сообщают Новгородскому князю о бегстве Злыдни Великана

Наступившее утро было по-весеннему приятным, только радость от него была омрачена страшным известием о бегстве Злыдни Великана. Первыми об этом узнали княжеские дружинники, пришедшие сменить своих сослуживцев на боевом посту. Сотник, сопровождавший дружинников, побледнев от волнения, даже дар речи потерял, когда увидел перед собою пустую клетку с настежь распахнутой дверцей. Лихорадочно трясая заспавшихся сотоварищей, рыжего и русого дружинника, пришедшие им на смену дружинники, обменивались между собой предположениями, типа – «кто бы мог это сделать?»

Проснувшиеся дружинники, узнав о случившемся, пришли в ужас, ибо знали, Новгородский князь был суров по части наказания за плохое несение военной службы. Осматривая клетку на предмет следов, сотник обнаружил в ней оставленную Злыдней Великаном записку, писанную на обрывке княжеской бумаги.

Как нетрудно догадаться, бумага с вензелем Новгородского князя была предоставлена сбежавшему узнику, его освободителем.

Трясущимися руками взял сотник, найденный в клетке клочок бумаги и, отругав своих нерадивых подчинённых, распорядившись арестовать всех виновных, отправился на вынужденный незапланированный доклад в княжеские палаты.

Но до палат он не дошёл. Прямо скажем – не хотелось. Борясь внутренне с самим собою по поводу того – идти лично к Новгородскому князю или переложить сию нелёгкую ношу на кого-нибудь другого, учитывая нрав великого самодержца, сотник принял, как ему сейчас казалось, единственно-верное решение, не рисковать своей головой. И в связи с только что принятым выходом из трудного положения, сославшись на незавершённые дела, кои в обязательном порядке требовали непременно его личного присутствия, вручил записку в руки первому попавшемуся ему боярину, коим оказался боярин-советник.

Далее, пока боярин-советник изучал вручённый ему клочок бумаги, соображал, что к чему, сотник, прибегнув к вольной информационной фантазии, вкратце обрисовав на словах боевое настроение остальных дружинников, и упомянув о предпринятых мерах в адрес провинившихся, быстро и по-тихому удалился прочь, оставив несчастную жертву обстоятельств, наедине со своим, неожиданно возникшим горем. Глубоко осознав суть того, что всё-таки произошло, бедный боярин-советник, побледнев лицом почти до идеально белого цвета, будто сама госпожа смерть с острозаточенной косой явилась за ним, схватился за сердце. С минуту подержавшись одной рукой за левую часть груди, пытаясь нащупать биение сердца, боярин-советник несколько раз горестно вздохнул, глядя то по сторонам, то себе под ноги. Потом обтерев платочком холодный пот со лба, собравшись с духом, пребывая в состоянии сознания недалёкого от стадии обморочного, отправился на княжескую аудиенцию.

Войдя в палату на ватных ногах, боярин-советник сперва увидел других бояр сгрудившихся плотной кучей близь того места, где должен был находиться трон. Затем, когда бояре, слышав звук закрывшихся дверей, расступились, он увидел и самого Новгородского князя сидящего на троне. Причём было сразу видно, что князь пребывает в весьма неплохом настроении, от чего его личное настроение и без того уже не хорошее, в тенденции продолжавшегося ухудшения, моментально достигло в нём своего апогея, отразившись на его лице новым усилением бледности. Только теперь белый цвет лица боярина-советника, стал ещё отливать и бледной синевой. Ещё бы. Боярин-советник прекрасно знал, каково это бывает, испортить великому князю хорошее настроение. Он даже замер при входе в палату возле закрывшихся за его спиной дверей, не решаясь идти дальше, но великий князь, перестав вести беседу с дру-

гими боярами, сам позвал его к себе, обратив особое внимание на чрезмерно бледное лицо своего доверенного советника.

– Чем нас обрадуешь, любезнейший? – мягко вымолвил князь, глядя на боярина-советника приветливым взглядом, – подойди, поведай.

Остальные бояре, тут же отступив от князя, молча разошлись по сторонам палаты, глядя на побледневшего боярина-советника, который ни жив, ни мёртв, еле переставляя непослушные ноги, медленно подошёл к трону.

Не решаясь лично произнести вслух страшное слово «побег», боярин-советник, полностью безмолвствуя, протянул князю дрожащей рукой, записку Злыдни Великана и, склонив голову глазами в пол, замер в ожидании дальнейшей своей судьбы.

К его великому удивлению, ругательств со стороны светлейшего не последовало, а даже совсем наоборот, мягкий бархатистый голос вернул советнику надежду, если не на помилование, то хотя бы на несравнимо более лёгкое наказание, нежели он сейчас сам для себя ожидал.

– И что говорят дежурившие этой ночью возле клетки, доблестные дружинники, по поводу непредвиденного исчезновения пленённого Злыдни Великана? – спокойно спросил князь, прочитав записку, одновременно молча отметив про себя, что исполнена она была на его гербовой бумаге.

Мгновенно поднявшиеся голоса бояр из-за прозвучавшей неожиданной новости об исчезновении Злыдни Великана, слились в единый звук, напоминающий собой гудение встревоженного пчелиного роя.

Желая услышать всё до последнего слова, что ему должен был сейчас ответить боярин-советник, Новгородский князь властным жестом потребовал тишины.

Бояре беспрекословно повиновались. Гул, моментально возникший после того, как они слышали неприятное известие, столь же моментально и прервался. Лишь глаза у всех бояр, бегали в суетном волнении, а сами они ёрзали на своих местах, словно стояли на раскалённом полу.

– Да, как вам сказать светлейший, – подняв голову, и не до конца осознавая сущность используемых слов для своего ответа, промямлил боярин-советник, но к своему счастью вовремя вспомнив уверения сотника, по поводу общего боевого настроения дружины, незадолго добавил, – ждуг вашего решения.

– Вот как, – изумился князь, бросая на пол скомканную записку. – А более конкретно, и лично от себя самого, что можеш нам всем тут сказать в связи со случившимся недоразумением?

– Почти ничего, – выдавил из себя боярин-советник, почувствовав, как его душа хаотично забегала внутри родного тела, ища то ли свободы, то ли укромного уголка. – Никто же не мог предположить, что Злыдня Великан сбежит из запертой клетки...

– Да ещё ночью, – кивая головой, добавил князь к словам советника, взирая пока ещё не сердитыми глазами на остальных бояр, которые опасливо поглядывая на него, молчали, стоя на своих местах, не смея и шагу сделать в сторону.

– Двое дружинников стоявших в карауле и проспавших Злыдню Великана, уже схвачены, – сообщил боярин-советник и, видя, что лицо князя остаётся без изменения, продолжил, – ключник хранивший ключ от клетки, арестован вместе с ними.

– Прекрасно, прекрасно, – воскликнул князь беззлобным голосом, вновь кивая головой, словно ему пока не сообщили ничего плохого. – Хотя здесь всё сделано на удивление правильно. Теперь возьмём в руки календарь, выберем подходящий денёк для аутодафе, публично всё исполним, и успокоимся. Так, нет?

Боярин-советник, молча, отрицательно мотнул головой, в испуге заморгав сначала одним левым глазом, словно кому-то подмигивал, затем почти сразу же обоими глазами, едва не начав

перемигиваться ими словно современный железнодорожный светофор, предупреждающий о закрытии переезда.

– Тогда, наверно надо ещё, что-то предпринять в довесок ко всему уже сделанному? – вкрадчиво спросил князь у боярина-советника, ещё больше загоняя беднягу в полный ступор, своими мягкими словами, звучавшими для княжеского чиновника столь непонятно, что тот терялся сам в себе, словно мышь в незнакомом ей сарае.

И хоть пауза была невелика, князь, не дожидаясь ответа, тут же задал новый вопрос, не сводя пытливого взора с боярина-советника, который, не смотря на всю ту бледность, что постигла его лицо несколько ранее, побледнел сейчас ещё больше, став таким белым, каким, к примеру, бывает, по чистоте цвета, наново выбеленная печь:

– Что делать-то дальше ещё предполагаете, помимо расправы над провинившимися дружинниками и ключником?

– Пока не решили светлейший, но ваша верная дружина уже готова и ждёт вашего указа.

– Правильно, всё правильно, – опять же кивая головой, произнёс князь, не глядя на боярина-советника. – Теперь вся наша надежда только на мою верную дружину. Возьмём и пошлём её неизвестно куда, на поиски сбежавшего Злыдни Великана, и оставим город без охраны. Так что ли?

Боярин-советник съёжился под суровым взглядом князя и не в состоянии произнести хотя бы слово в ответ, просто отрицательно замотал головой.

– Писаря сюда! – громко приказал князь, отсылая жестом руки боярина-советника, прочь от себя.

Бояре, было, снова монотонно загалдели, но увидев суровый взгляд князя, тотчас разом смолкли, приняв в свои ряды, подошедшего к ним боярина-советника, который осознавая, что его вроде бы оставили жить, готовился упасть в обморок от счастья.

Вошедший писарь, подойдя к трону, приготовив бумагу и перо, склонил голову перед князем, весь обратившись вслух.

– Пишите указ, который сегодня же должен быть оглашён на главной площади города, – отчеканил князь, глядя на притихших бояр. – А что делать с провинившимися дружинниками и ключником, мы позднее решим. К тому же следует ещё найти того холопа, что осмелился выпустить нашего врага из клетки.

4. Фома и Злыдня Великан

А в это самое время, где-то в труднопроходимой глуши Новгородских лесов, уверенной походкой непобедимого тяжеловеса, давя широкими ступнями цветы и мелкие молодые кустарники, распугивая своим появлением всё живое на пути избранного направления, шагал Злыдня Великан. На поясе у недавнего княжеского пленника, придавая его душевному состоянию весомую долю самоуверенности, висел огромный меч, раздобытый для него услужливым Фомой. Стоит правда отметить и немалый вес холодного оружия, из-за чего бедному Фоме, не обладавшему по природе своей атлетическими данными, сия кража меча, случившаяся в оружейной кладовой Новгородского князя, далась нелегко.

Глаза Злыдни Великана временами вспыхивали огнём, подчёркивая в нём тем самым всю его неустрашимость. Рядом с ним, семена и довольно часто спотыкаясь, ввиду отсутствия должного навыка подобных путешествий по нехоженому бездорожью, имея за спиной дорожную котомку, в которой были практически все его личные вещи, шёл Фома.

Бежать прочь из Великого Новгорода вместе с освобождённым иноземным атаманом, бывший княжеский прислужник решил сразу, как только получил от Злыдни Великана соответствующее предложение.

И как уже не трудно догадаться, позвал Злыдня Великан Фому за собой в дальнюю дорогу навстречу неизвестности и приключениям, в самые первые минуты своей свободы, когда они на пару под покровом ночной темноты, покидали княжеский двор.

Ведь сначала, Фома лишь намеревался после освобождения княжеского пленника из клетки, проводить его до городских ворот, особо даже не задумываясь над тем, что будет дальше, и уж никак совсем не рассчитывал на столь скорое зачисление в личные адъютанты.

Впрочем, именно предложенная должность доверенного адъютанта, против порядком поднадоевшей за несколько лет службы при дворе Новгородского князя на занимаемой вакансии младшего конюха, и сыграла главную роль для Фомы, в решении пуститься следом за Злыдней Великаном. Что же отныне и в дальнейшем по жизни ожидало новоявленного помощника иноземного предводителя, тот пока нисколько не задумывался, ибо мечты о карьерном росте лихо перевесили все возможные отрицательные показатели, грузно плюхнувшись в копилку положительных «за».

И потом, что уж было думать, коли решение для Фомы, всё равно было принято и первые опасности бегства из Великого Новгорода остались далеко позади. Так что новоиспечённому скитальцу просто ничего не оставалось, как верить собственную дальнейшую судьбу в руки своему новому господину, великому иноземному атаману, Злыдне Великану.

Вдруг, Злыдня Великан выхватил из ножен меч и, не останавливаясь, срубил почти под самый корень огромный дуб, чем поразил Фому до глубины души, заставив того даже остолбенеть на некоторое время, пока срубленное дерево с треском падало на землю, подминая под себя густой орешник.

– Хороший меч ты мне добыл Фома, – довольным голосом произнёс Злыдня Великан, разглядывая клинок оружия.

– Так старался для вас, ваше сиятельство, ибо каждую минуту только и думал о том, как мне ладнее всё сделать, чтобы вашей великой светлости получше угодить, – пролепетал Фома, догнав, размахивающего мечом атамана.

– Старайся и впредь, а я уж за наградою от себя, не постою, – сказал Злыдня Великан, продолжая делать разнообразные взмахи мечом в воздухе, демонстрируя Фоме своё виртуозное умение, владеть холодным оружием.

При этом он, как и прежде, продолжал идти по лесу привычным широким шагом, не останавливаясь и на мгновение.

– Если говорить о награде, то самая лучшая награда для меня, это верное служение вам, ваше величество, – с явным и неподдельным оттенком уважения в голосе, сказал Фома. – Если вам, ваша светлость будет хорошо, то мне и подавно станет приятно на душе.

– Молодец Фома! – убирая меч в ножны, произнёс Злыдня Великан, посмотрев довольным взглядом на Фому. – Хорошо говоришь и правильно думаешь. И запомни, что мне особо хорошо лишь тогда, когда у меня есть золото. И чем его у меня больше, тем мне лучше!

– Я, как раз сейчас хотел вам и о золоте сказать, ваша светлость, – произнёс Фома, поглядывая на радостное, можно молвить счастливое, выражение лица Злыдни Великана. – Доводилось мне когда-то слышать, что много золота хранится в сундуках сокровищницы Кощея Бессмертного...

– Значит туда теперь, и пойдём, – прорычал Злыдня Великан, даже не повернув головы в сторону Фомы.

– Может, сначала войско соберём? – обеспокоенно спросил Фома. – А то я слышал, что с этим Кошеем Бессмертным шутки плохи, потому как он один, даже с простой дубиной в руках, настолько опасен, что стоит больше целой дивизии, до зубов вооружённых, самых лучших, опытных солдат. Армия наёмных головорезов из числа бывших элитных силовиков состоявших ранее на службе у правительства в антитеррористических подразделениях, по сравнению с ним, просто-напросто жалкая кучка обыкновенных дворовых хулиганов.

– Не стоит понапрасну беспокоиться Фома, – ухмыльнулся Злыдня Великан, – вдвоём нам легче в царство Кощея Бессмертного незаметными проникнуть. И потом, много воинов, всё добытое сразу же на всех делить придётся, а так это золото только нам двоим достанется.

– А как вдруг биться придётся? – растерялся Фома. – Что делать будем, ваша светлость? Ведь коварства в этом старом душегубе столько, что на нём просто клейма негде ставить. Он ведь иуда, помимо своего общеизвестного бессмертия, такой несносный паразит, коего, пожалуй, белый свет никогда не видел, за всю эпоху существования человечества. И ещё, есть авторитетные утверждения западных социологов и высших военных руководителей, что Кощей Бессмертный профессиональный дуэлянт международного масштаба. И насколько я знаю, он ещё вдобавок ко всему многократный чемпион в состязаниях по жестокости и вероломству. Так что один на один, с ним лучше никогда не драться. Да и стражи у него я думаю, при его великом богатстве тоже хватает.

– А кто тебе сказал, что в наши планы в обязательном порядке должна входить личная встреча с Кошеем? Это дураки пускай с ним или его стражей сколь угодно бьются, глядишь, поумнее после этого станут, если живы только останутся, – засмеялся Злыдня Великан. – А мы его богатства хитростью возьмём. А там уж, как золото у нас появиться, соберём армию и на Новгород пойдём.

– А зачем же нам обратно в Новгород возвращаться, ваше величество? – удивился Фома.

– С князем Новгородским счёты сводить будем! Ему моя бывшая клетка, а мне его трон! – ещё громче рассмеялся Злыдня Великан.

– И как это я сам до этого не додумался? – вполголоса спросил сам у себя Фома, на мгновение даже остановившись, после чего бросился догонять Злыдню Великана, продолжавшего идти дальше по лесу.

5. При каких обстоятельствах произошло знакомство Василия с Иванко

Итак, Злыдня Великан и Фома продолжали удаляться всё дальше и дальше от Великого Новгорода, даже не подозревая, что за ними в погоню, желая их поймать, дабы воротить назад, уже отправился русский богатырь Василий.

Конечно, предполагать, что их будут искать, Злыдня Великан и Фома непременно могли, и даже в этом нисколько не сомневались. Но чтобы сие было преисполнено дюже оперативно, серьёзно не задумывались. К тому же у них имелся и дополнительный серьёзный повод сохранять олимпийское спокойствие в плане того, что на их след нападут далеко не быстро. И служил сему обстоятельству значительный неумолимый факт, что лес большой и никто, совершенно никто, благодаря ночному времени суток их тайного бегства, не видел и понятия не имел, в какую сторону они направились.

Во всяком случае, шли они по лесу, абсолютно не волнуясь, в то время как Василий, ища следы их пребывания, петлял по лесным чащобам, по разным лесным дорогам и тропинкам, терзаясь постоянными мыслями, в какой такой стороне, могут сейчас находиться беглецы.

Интерес у Василия был совсем не праздный. Давеча поутру, находясь на главной площади Великого Новгорода, он услышал княжеский указ, согласно которому была обещана хорошая награда из чистого золота тому, кто победит Злыдню Великана и представит верные доказательства сего подвига своего.

И поскольку Василий крайне нуждался в денежных средствах, то и выбрал для себя поиски сбежавшего иноземного атамана на предмет вполне подходящего решения собственных материальных проблем. И всё это не пугаясь сопутствующих трудностей при выполнении возложенных на себя обязательств, кои сулили ему возникнуть из-за того что сбежавший пленник имел в недавнем прошлом мировую славу хладнокровного, непобедимого поработителя.

Возможно, у читателя от последних моих слов неизбежно возникает вопрос – «а что же с Фомой? Беспокоился ли о нём кто-нибудь из княжеского окружения, включая самого самодержца? Пало ли на него весомое подозрение в тяжком проступке?»

Спешу сообщить, что и про него в Великом Новгороде не позабыли. Боясь справедливого княжеского гнева, все бояре, сойдясь в едином мнении с дружинниками, представили Фому на роль главного виновника ночного происшествия, то бишь освобождения Злыдни Великана из клетки, с чем Новгородский князь охотно согласился.

А потому при зачитании княжеского указа, и за младшего княжеского конюха Фому была также обещана награда. Ну, с той лишь малой разницей, что количественная мера весового вознаграждения была поменьше, и вместо золота за него обещали серебро.

Так вот, решившись на данное мероприятие, Василий был с самого утра в пути, и как раз в том же лесу, где сейчас находился Злыдня Великан со своим новым помощником Фомой. Правда расстояние меж беглецами и их преследователем являлось на последний час весьма большим.

Поэтому у меня есть время рассказать вам уважаемый мой читатель, как Василий познакомился всё в том же лесу с новым другом, тем более что установленная между ними дружба для дальнейшего развития всей представленной мною истории, была не на последнем месте.

– Что за чудный лес? – воскликнул Василий шутливо, когда ему на пути попалось дерево с привязанным к нему Иванко. – Мне чудится или же действительно вас тут сегодня повсюду понатыкано?

И уже подойдя к дереву ближе, остановившись возле него, спросил у Иванко без иронии в голосе:

– Давно обосновался?

– С утра, – ответил Иванко, грустно посмотрев на Василия.

– У вас, что, здешний обычай такой, по утрам к деревьям привязываться? – приступая к освобождению Иванко, поинтересовался Василий. – Если так дело дальше пойдёт, то скоро в этом лесу с закрытыми глазами к деревьям подходить можно будет, чтобы через раз натыкаться на таких горемык, как ты. Я понимаю, уже полдня сим делом занимаюсь. Троих таких горемычных на тебя похожих, освободил, ничего... четвёртый попался. Я его как всех развязал, думал, он мне как все спасибо скажет, а он меня же и за горло взял. Разбойником оказался. Его видать свои друзья-приятели и привязали, еле отбил, стараясь его насмерть не зашибить. Вот теперь тебя от дерева отвязу, и как говорится – будь здоров, поминай, как звали.

– Меня один деревенский мужик к дереву привязал, – сказал Иванко, Василию, когда с него были сняты последние верёвки.

– А за что?

– Да я его лошадь проспал.

– И за это ты позволил себя к дереву привязать?

– Ещё чего, – гордо воскликнул Иванко. – Хозяин лошади меня ни за что в жизни не поймал бы, да ему проезжавшие мимо нас мужики помогли. Окружили меня вшестером со всех сторон. И теперь чтобы мне в родную деревню воротиться, мне надо где-то для того мужика новую лошадь раздобыть.

– Тогда пошли со мной, а там глядишь, дело хорошо справим, будет у тебя лошадь на возврат.

– А куда пойдём?

– Если согласен, по дороге разьясню.

6. С кем беглецы повстречались на пути в Кощеево царство

– Если я не ошибаюсь, эта река протекает вблизи Кощеева царства, – сказал Фома Злыдне Великану, когда они из леса вышли на берег извилистой реки.

– Значит, будем строить плот, – оглядывая деревья на берегу, пробурчал Злыдня Великан. – На нём мы быстрее до цели доберёмся.

И чтобы не тратить времени даром, поскольку отдохнуть можно будет потом на плоту, когда река станет нести их по течению, Злыдня Великан, взяв в руки меч, принялся рубить деревья. Разбираться какие из них лучше подойдут под начатое дело, он не стал, решив рубить всё подряд, лишь бы хватило на постройку плота. Фома, пока деревья падали под ударами меча, стоял в стороне. И только, когда Злыдня Великан стал обтёсывать брёвна, срубая ветки, соизволил подойти ближе, чтобы тоже принять участие в изготовлении плота. Впрочем, работа подобного рода была для него непривычна и тяжела, поэтому он сначала потихоньку оттащивал в сторону мелкие срубленные сучки, кои могли помешать перекачивать брёвна к реке. Потом выбрав для себя бревно поменьше, да поближе к воде, принялся его катить, не слишком прилагая к тому своих сил. И пока он, с постоянными остановками на отдых, катил по берегу к реке всего одно единственное для себя бревно, Злыдня Великан успел сделать почти всю остальную работу.

Именно за окончанием этого занятия их и застала Алёнушка, когда пришла на берег реки на своё любимое место, где раньше росли родные её сердцу берёзки.

– Срубили мои любимые берёзоньки, – появившись на берегу реки, всплеснула руками Алёнушка, увидев вместо деревьев одни пеньки.

– Это, про что ты там сейчас лопочешь? – опустив меч, спросил Злыдня Великан, глядя на Алёнушку.

– Про бедные берёзки. Про то, что вы неправильно поступили, безжалостно срубив их.

– Честное, благородное слово, мы к этому чудовищному произволу, на который вряд ли была получена необходимая платная лицензия из местного лесного управления, – начал было оправдываться Фома, но увидев сердитый взгляд Злыдни Великана, внезапно смолк, помолчал мгновение, и тут же продолжил иными словами. – Я хотел сказать к этому делу, мы, это я, и мой старший товарищ, не имеем ни малейшего прямого отношения. Только сугубо косвенное.

Ещё раз, посмотрев на Злыдню Великана и убедившись, что тот, сменив выражение сердитости на недоумение, молчит, Фома, глядя на Алёнушку, продолжил ей свои объяснения:

– Мы пришли, видим деревья лежат, и мой товарищ, чтобы свои плотницкие навыки не терять, да древесина зря не пропадала, решил немного поупражняться в строительстве плота. Только и всего. Даю вам честное, благородное слово.

Удивлённо посмотрев на Фому, Злыдня Великан прекратил свою работу и, воткнув меч в землю рядом с последним неотёсанным бревном, направился к Алёнушке:

– Брось свою мудрёную напыщенную дипломатию Фома. Здесь нужны сугубо радикальные безотлагательные действия, а не пустое, трижды никому ненужное красноречие чрезмерно болтливых, неутомленных политиков. Верёвка есть?

– Вот она, – достав из котомки моток верёвки, с улыбкой сказал Фома, протягивая её Злыдне Великану.

Алёнушка, застыв, смотрела на приближение Злыдни Великана. Фома тоже замер в ожидании того, что сейчас будет. Нисколько не церемонясь, Злыдня Великан схватил Алёнушку и, не обращая внимания на её отчаянные громкие призывы о помощи, привязал к дереву верёвкой, которую ему дал Фома. После чего вернулся к оставленному занятию.

– Просто никакого проходу не стало от этих многочисленных правозащитников и разного рода ценителей природы, – развёл руками Злыдня Великан, становясь над последним бревном. – Если так дело вообще дальше пойдёт, то скоро, на мухомор случайно ногой наступишь – или в темницу за это посадят, или на рудники сошлют.

– А мухоморы, кстати, чрезвычайно полезные грибы, – сердито глядя на Злыдню Великана, громко воскликнула Алёнушка. – И весьма правильно поступает тот, кто их повсюду в наших лесах охраняет, бережёт, и без надобности никогда зря не трогает.

На слова Алёнушки атаман отреагировал явным удивлением, округлив глаза. При этом у него даже челюсть отвисла, после чего он непроизвольно икнув, выронил меч из рук:

– Вот те раз! И что же мне теперь прикажете делать? – развёл руками Злыдня Великан, посмотрев на свои могучие ладони. – Ведь я всегда так пренебрежительно к ним, к этим самым мухоморам относился, что отныне, наверное, до конца своей жизни буду себя за это безмерно и нещадно, каждодневно корить.

– И зря вы, между прочим, над своим проступком смеётесь, – вздёрнула нос Алёнушка.

– Вы думаете, что я смеюсь? – приложил себе к груди руки Злыдня Великан, глядя на Алёнушку. – Напрасно. Честное слово напрасно. Мне просто только сейчас стало понятно, что мухоморы, очень полезные грибы. Весьма полезные грибы. Единственно, что для меня так и остаётся неразрешимой загадкой, так это то, в чём же их та самая необыкновенная пресловутая польза, из-за которой они оказывается, так ценны, что им, поди, и в реестре любого лесничества, под их постоянной охраной быть положено? Может для полноты моего раскаяния, за моё прошлое к ним пренебрежительное отношение, вы, не считая за труд, растолкуете мне вкратце, чем же они так необыкновенно полезны?

Фома, разинув от умиления рот, молча, сидел на свежем берёзовом пеньке, слушая завязавшуюся беседу между Злыдней Великаном и Алёнушкой.

– Моя родная бабушка, при помощи мухоморов, лечила много разных болезней, – нравоучительным тоном произнесла Алёнушка, посмотрев в глаза Злыдне Великану, который слушая её объяснение, снова взялся за меч. – Среди них такие, как ревматизм, подагра, физические переутомления. И этот список далеко ещё не полный.

– И что ты говоришь? – опять бросил свой меч Злыдня Великан, направляясь к Алёнушке. – Да это не просто поганый гриб как я погляжу. Это какая-то панацея от всех существующих болезней, чёрт побери. Но дело в том, что у меня не было такой заботливой и умной бабушки, как у тебя, которая бы привила мне в детстве столь серьёзное, правильное отношение к этому ценному, и судя посему, даже промысловому виду грибов, являющему из себя ко всему прочему, вожделенный объект для уважения любым фармакологом. У меня вообще бабушки не было!

Подойдя к Алёнушке, Злыдня Великан, нагнувшись, заглянул ей в глаза.

– А ещё моя бабушка весьма успешно, за что, кстати, широко прославилась на всю округу, как великая народная целительница, лечила мухоморами мужскую силу... – вполголоса выговорила Алёнушка, отводя свой взгляд, от пытливого взора Злыдни Великана.

– Я этим, не страдаю... а то бы прямо сию минуту, честное слово, не сойти мне с этого места, прослезился бы, – сказал Злыдня Великан и, сняв с головы Алёнушки её платок, перевязал ей рот, после чего вернулся к последнему бревну.

– Может не стоит так с дамой обходиться? – подал голос Фома, но поймав на себе сердитый взгляд своего господина, тотчас поправил себя, – впрочем, в воспитательных целях разве что... а то она, как и все женщины, так неуместно болтлива...

После того, как плот был достроен, и спущен на воду, Злыдня Великан сделал одно большое весло для себя и другое маленькое, для Фомы.

– Держи! – сказал Злыдня Великан, торжественно протягивая удивлённому Фоме, маленькое весло.

Шмыгнув носом, Фома безрадостно принял весло, обернулся и посмотрел на Алёнушку. Неожиданно его внимание привлекла ярко сверкнувшая в солнечных лучах, блестящая брошка, висевшая у девушки на груди. Устоять Фома не смог. Не бросая весла, он быстро подскочил к Алёнушке, снял с неё брошку, и широко улыбаясь, явно гордясь самим собой, своим смелым деянием, тут же приколот её себе на воротник. После чего, довольный собственным поступком, помахав на прощание Алёнушке рукой, орудуя на ходу веслом, словно уже плыл по реке, направился весёлым шагом к плоту, где его с нетерпением ожидал Злыдня Великан.

– Любишь бижутерию Фома? – спросил Злыдня Великан адъютанта, когда тот ступил на плот.

– А что это такое? – спросил Фома, широко открыв глаза от удивления на непонятное для него слово.

– Брильянты для бедных, – усмехнулся Злыдня Великан, с силой отталкивая плот от берега.

– Так я вроде и не богатый пока... – тихо выговорил Фома, пожимая плечами.

7. Новгородский князь решает, что делать с провинившимися

На следующий день после дня, когда на главной городской площади был зачитан княжеский указ, обещавший награду за поимку сбежавшего Злыдни Великана и неизвестно куда исчезнувшего младшего княжеского конюха, к Новгородскому князю самым первым пожаловал боярин-советник.

Здесь я полагаю, вполне будет уместно сделать пояснение, почему боярин-советник появился в княжеских палатах самым первым. Если бы не последние плохие события, то значение подобного визита было бы неважным. Но именно из-за бегства иноземного предводителя всё представлялось теперь совсем иначе.

Боярин-советник пришёл к светлейшему князю по наставлению остальных бояр Новгородского княжеского двора. Сами же они показываться светлейшему на глаза не торопились. И было отчего. Буквально с момента обнародования страшного известия, все бояре стали жить в тягостном волнении, словно постоянно находились на пороховом погребе, куда неизбежно мог бы попасть вражеский снаряд.

И всему виной простое ожидание волеизъявления самодержца.

«Что делать с провинившимися служаками, кои были уже арестованы. И кто ещё непременно будет, затронут в ходе предстоящих реформаций?» Ведь суровая десница Новгородского князя могла бы и не остановиться на уже арестованных.

Напомним и о них.

Таковых было трое. Два княжеских дружинника, что дежурили в ночь побега, и несчастный ключник, не сумевший просто сбросить ключа от клетки с атаманом.

Как быть с заключёнными под стражу двумя дружинниками, проспавшими пленника, и какую участь будет иметь ключник, бояре особо и не волновались. Как говорится, что бы ни было сделано, лишь бы не затронули их.

Сотник в компанию провинившихся дружинников не попал просто чудом. Он как прямой ответственный за должное безукоризненное несение службы своими подчинёнными, лишь был подвергнут громогласному словесному наказанию. В присутствии всех бояр, светлейший Новгородский князь глядя в испуганные глаза сотника, высказал ему всё, что он о нём думал в тот момент. И только благодаря былым неоднократным боевым заслугам княжеского сотника, всё на этом для него и кончилось.

Густо покрасневшись, словно его ошпарили крутым кипятком, он покинул княжеские палаты, с полным сохранением своего служебного положения.

Сей факт, правда, невероятно удивил бояр, поскольку они хорошо знали князя и, зная его характер, не предполагая для сотника такого исхода дела, ещё до окончания речи «хозяина», готовились к тому, что у дружинников скоро будет новое начальство.

Теперь же перейдём от пояснений к происходящим в сию минуту событиям.

— Ну что мои дружинники, полны ли глубокого раскаяния за упущение Злыдни Великана? — спросил Новгородский князь у боярина-советника, глядя в окно, когда тот подошёл к нему с докладом.

— Просят вашего высочайшего соизволения, дать им возможность загладить свою вину, — ответил боярин-советник, остановившись в нескольких шагах от князя за его спиной.

— Их желание мне, конечно же, нравится, только я терзаюсь в сомнениях, что они смогут Злыдню Великана вдвоём одолеть, — произнёс князь, обернувшись на советника.

– Так это уже целиком только их забота. Пусть сами при выполнении поставленной задачи на совесть стараются. А если выйдет, так что никак не справятся, то я так понимаю, Злыдня Великан церемониться с ними не станет, и сразу же воздаст им по заслугам на полную катушку.

– Вполне возможно, хотя я думаю, если они нам притащат сюда Фому, с них будет и этого достаточно, а Злыдню Великана пускай ловят те, кто в подобных делах, и более силен, и лучше разбирается. Всё же одолели атамана мои дружинники большим скопом, а не вдвоём. Здесь нужны богатыри.

Сказав, князь отвернулся обратно к окну, а советник, чуть помявшись, продолжил.

– Осмелюсь вам напомнить великий князь, что в темнице также томится провинившийся ключник.

– Что же, припоминаю, припоминаю, – оторвал Новгородский князь свой взгляд от окна и, посмотрев на боярина-советника, добавил, – ну с этим всё проще. Если он все причитающиеся ему плети получил сполна, пускай идёт на конюшню за место Фомы. Более от него толку всё равно не будет, так пусть хоть этим пользу приносит, нежели казённые харчи, сидя в темнице даром уминает.

Спорить с княжеским решением боярин-советник не собирался, а потому коротко испросив разрешения удалиться, быстро покинул палату, едва только получил от светлейшего князя его согласие.

8. Иванко и Василий знакомятся с Алёнушкой, а Злыдня Великан и Фома, плывя по реке, волею судьбы претерпевают на ней, одну за другой, две неудачи

Продолжая свой путь, Василий и Иванко шли вдоль берега реки, весело болтая на самые разнообразные темы. При этом они не рассуждали слишком долго над какой-нибудь одной вещью, всё время, находя новый предмет для продления своего разговора. Увлечённость этим немудрёным занятием была у них настолько великой, что они даже не заметили привязанной к дереву Алёнушки, когда проходили мимо неё.

А поскольку Алёнушка окрикнуть их не могла, она что есть мочи замычала. На её счастье, Иванко услышал глухое мычание и, окликнув Василия, первым подошёл к дереву.

– Привет, – улыбнулся Иванко, развязывая платок, чтобы освободить Алёнушке рот.

– Я вижу, в здешних обычаях присутствует равноправие, – с иронией в голосе произнёс, подошедший Василий.

– О чём вы? – хлопая пышными ресницами, спросила Алёнушка, глядя на Василия.

– А это ты у него спроси, ему есть чего тебе рассказать, – показав рукой на Иванко, ответил Василий, начиная отвязывать Алёнушку от дерева.

Алёнушка взглянула на Иванко, а тот только криво улыбнулся и, не решившись, что ответить, просто пожал плечами глядя на неё.

– Ну, раз Иванко такой стеснительный, то я сам вам сейчас поведаю его историю, – сказал Василий, продолжая освобождать Алёнушку из верёвочных пут.

И пока Василий пересказывал Алёнушке историю своего знакомства с Иванко, Злыдня Великан и Фома всё дальше и дальше удалялись на своём плоту, плывя по реке.

Рулевым на плоту, был Злыдня Великан, а Фома только делал вид, что помогает ему. На самом деле он предавался созерцанию проплывавших мимо них пейзажей. Он даже не заметил того, что Злыдня Великан усиленно заработал веслом, когда впереди по течению показались пороги. Но спастись от водных камней, им было не суждено. Как только плот приблизился к порогам поближе, на берег реки вышел старик Гусляр. Откуда он взялся, ни Фома, ни Злыдня Великан понять не успели, поскольку заметив публику, старик Гусляр, возвращавшийся в родное селение, заулыбавшись, присел на пенёк, любовно погладил свои гусли и ударил по струнам. Как только гусли заиграли, старик стал махать в такт музыке руками. Злыдня Великан и Фома, побросав в воду вёсла, взявшись за руки стали исполнять некое подобие хоровода, кружась вприпрыжку не только на своём плоту, но и вместе с ним вообще, благо тот стало закручивать ускорявшимся течением реки, которое чем ближе плот подплывал к порогам, тем становилось быстрее.

Проплывая мимо старика Злыдня Великан, не переставая танцевать и посматривать на пороги, грозно пригрозил старику кулаком, ну а тот только кивнув ему в ответ головой, заулыбался ещё больше не переставая размахивать руками. Так под волшебную музыку, Злыдня Великан и Фома доплыли до порогов, где уже в силу известных законов физики, ещё больше вертась и подпрыгивая вместе с плотом, понеслись по ним с удвоенной скоростью, ибо течение здесь было не быстрым, а стремительным. На самых последних порогах, плот, налетев на большой камень, разлетелся вдребезги. Злыдня Великан и Фома оказавшись в воде, размахивая руками в такт музыке, были унесены водным потоком вслед за разбившимся плотом.

После этого музыка прекратилась и старик Гусляр, поклонившись в сторону реки, повесив гусли за спину, спокойно ушёл в лес.

А на другом месте сего берега реки, в этот самый момент, ведя разговор, стояли Василий, Иванко и освобождённая Алёнушка.

– А мне с вами можно? – спросила Алёнушка, глядя на Василия. – Я готовить хорошо умею.

– Конечно, конечно, нам без шеф-повара в походе, ну никак нельзя, – опережая Василия, весело воскликнул Иванко.

– Не слушайте вы Иванко, – смущаясь, ответил Василий. – Я вас и без этого рад видеть. Только дорога у нас трудная и дальняя. Стоит ли вам с нами идти?

– Один из них похитил у меня мою любимую брошку, подарок мамы.

– Мы вам её принесём, – ответил Василий.

– Я хочу ему в глаза посмотреть, когда брошку заберу обратно, – произнесла Алёнушка, чуть зардевшись, когда Василий посмотрел ей в глаза. – И приятелю его, что к дереву меня привязал, мне есть что сказать.

– А родные как же? – спросил Василий, отводя свой взор от взгляда Алёнушки.

– А родных неделю, а то и две, дома не будет, они в Новгород уехали торговать, да у сестры там погостить собирались, – ответила Алёнушка, не обращая внимания на гримасы Иванко, который пытался в своей пантомиме изобразить из себя Василия, делая акцент на том, что у того от общения с Алёнушкой, сердце было в раю.

И пока Василий, смущаясь взглядов Алёнушки, пытался убедить её не ходить с ними в опасный поход, мы отправимся в иное место, далее по руслу реки, туда, где находилась тихая широкая заводь. Интерес наш к сему участку берега реки заключается в том, что на него сейчас ступил Злыдня Великан:

– Вот ведь привязался... и неймётся ему...

– Вы это про кого? – выкрикнул Фома, барахтаясь в воде, с усердием предпринимая попытки догresti до берега одной рукой, так как второй рукой он держался за спасительное бревно, доставшееся ему в наследство от разбившегося плота.

– Да всё про того неутомонного народного хореографа, будь он трижды не ладен, – отмахнулся рукой Злыдня Великан, не глядя на Фому, который продолжал барахтаться в воде. – Это ведь он, охламон бородатый со своей волшебной балалайкой мне все планы порушил, когда я Новгород ночью захватить собирался.

– Смею заметить ваша светлость, что это не балалайка у него, а гусли, – сказал Фома, подплывая к берегу.

– Честно говоря, мне это глубоко безразлично, пусть он хоть на арфе золотой всю жизнь, где угодно играет, лишь бы нам больше никогда не попадался на пути и не мешал дела делать, – проворчал Злыдня Великан, повернув свой взгляд в сторону Фомы.

– Ну, так или иначе, а, только говоря про его музыкальный инструмент, замечу, вещьца у него дюже знатная, – с завистью в голосе произнёс Фома, выбираясь на берег. – Нам бы она в царстве Кощея Бессмертного ох как пригодилась бы.

– Так в чём же дело? – засмеялся Злыдня Великан, сделав вольный жест рукой в ту сторону, откуда они приплыли. – Вернись и отбери у вредного старикашки его чудесный инструмент.

– Так я это, – замялся Фома, выжимая воду из снятого головного колпака, – только помечтал.

– Мечтай в следующий раз о более реальных вещах, – буркнул Злыдня Великан, закрывая глаза, чтобы немного поспать.

Фома, увидев, что Злыдня Великан лежит с закрытыми глазами, по-быстрому, не снимая с себя своей одежды, отжал воду из неё, и тоже завалился спать.

Разбудили их негромкие голоса. Это к берегу, в нескольких метрах от того места, где они отдыхали, причалила лодка. Кто причалил, они не видели, потому что между ними и лодкой, почти от самой реки, рос густой кустарник.

– Здесь и перекусим, – сказал дядька Аким, вылезая из лодки с большим мешком в руках.

– Что ж, давай перекусим, – поправив на своей голове шапку, согласился дядька Мартын, вылезая из лодки следом за дядькой Акимом, только с мешком поменьше.

Стараясь не шуметь, Злыдня Великан подал Фоме знак затаиться, а сам направился в обход через кусты, к тому месту, где причалила лодка. Исключая возможность того обстоятельства при котором его бы заметили раньше времени, Злыдня Великан осторожно подобрался к дядькам, как можно ближе, и только после этого быстро шагнув из кустов, разом схватил за шиворот обоих стариков.

– Люблю туристов, – сказал Злыдня Великан, приподнимая дядек над землёй. – Они всегда были для меня, что-то вроде полевой кухни.

– Смотри не подавись, когда нас есть, будешь, – пригрозил дядька Аким Злыдне Великану, барахтаясь в воздухе.

– Ещё чего! – распевно воскликнул Злыдня Великан, продолжая держать дядек за шиворот, разведя руки в стороны. – От вас, небось, и навару-то в котле никакого не будет, только зря дрова переводить, да время тратить на приготовление. Нам хватит и того, что вы с собою привезли. А за грубость, мы ещё и вашу лодку конфискуем.

– Чтоб ты на ней ирод иноземный утонул! – выкрикнул дядька Мартын, пытаясь вырваться из цепких рук Злыдни Великана.

– Ну-ка тихо! – оскалился Злыдня Великан, встряхнув обоих дядек, сурово их оглядывая. – Фома! Ещё верёвка есть?

– Как знал, что пригодится, – радостно сказал Фома, доставая из своей котомки ещё один моток верёвки.

– Фома, бери мешок, еду, и грузи всё в лодку! Дальше на ней отправимся, а я пока этими стариканами займусь, – отдал приказание Злыдня Великан, взяв верёвку из рук Фомы, держа при этом мужиков одной рукой.

И пока Фома загружал лодку, Злыдня Великан, привязав дядек к дереву, заткнул каждому рот, используя вместо кляпа, их шапки. Убедившись, что они привязаны крепко, Злыдня Великан направился к лодке, где, уже, поедая краюшку хлеба, сидел Фома.

– Побереги провизию, – сказал Злыдня Великан, забираясь в лодку.

– Я буквально самую малость, – ответил Фома, отряхивая руки от хлебных крошек, когда они отчаливали от берега.

И пока Злыдня Великан не спеша выводил лодку из тихой заводи на середину реки, Фома, давась от смеха, помахал дядькам на прощание обеими руками.

– Опять ты за своё Фома. Брось ты это дружелюбие, – правя веслом, произнёс Злыдня Великан. – Ты им ничего не должен.

– Именно поэтому я им и помахал рукой, – хихикнул Фома, беря в руки большой мешок.

Злыдня Великан, заметив намерение Фомы порыться в стариковских вещах, продолжая грести веслом, произнёс:

– Мешок оставь, он нам под золото сгодится, а барахло там всякое стариковское, что в нём лежит, выбрасывай за борт. Вряд ли в этом мешке найдётся что-либо нужное для нас.

Фома, согласно кивнув, тотчас начал выбрасывать в реку вещи из мешка, даже особо не рассматривая того, от чего он избавлялся. За борт, как из рога изобилия полетели разнообразные вещи: деревянные ложки, целыми наборами, матрёшки комплектами, ночная ваза, футбольный мяч с автографами, игра лото, различное тряпье и мужское и женское, новое и не очень. Мышеловка, мухобойка, балалайки в количестве десяти штук. Остановившись на некоторое время ввиду чрезвычайного удивления, как всё это могло в мешке поместиться,

Фома продолжил выбрасывание вещей из мешка, но уже с несколько меньшей скоростью, разглядывая выбрасываемое. Как и прежде в воду летели предметы домашнего быта: домашние тапочки разного вида и в большом количестве, набор кастрюль, набор новых сковородок, гармонь, два барабана, с десятков глиняных горшочков и одна чугунная гусятница.

В очередной раз, давшись диву на непонятное для него появление всех этих вещей, Фома продолжил выбрасывать вещи из мешка, от чего Злыдня Великан перестал править лодку веслом, глядя на действия своего адъютанта, как на фокусы. Далее лодка плыла просто по течению, а рядом с ней плыли следующие вещи, которые Фома выбрасывал из мешка: большой глобус, самовар, деревянная лошадка-качалка, два корыта и один таз, часы с кукушкой, которые отплыв от лодки, прежде чем скрыться под водой, начали куковать. Потеряв терпение и смахнув со лба капельки пота, Фома поднялся на ноги и стал вытряхивать вещи прямо за борт. В воду полетели вещи по крупнее: несколько сундуков, кресло качалка, одна арфа, два колеса от телеги и ещё один большой глобус. Злыдня Великан аж рот от удивления раскрыл, даже рукой потрогал рядом проплывавший мимо него глобус. В изумлении, Фома повернулся на месте и выпавший в этот момент из мешка клавесин, упал в лодку, проломив ей, днище, от чего та немедля пошла ко дну. Злыдне Великану и Фоме, больше ничего не оставалось, как отправиться к берегу вплавь. Судорожно размахивая руками, Фома вытряхнул из мешка двух деревянных кукол и один ушат. Опасаясь, что больше из мешка ничего не появится, Фома вцепился одной рукой в ушат, а другой, держа волшебный мешок, принялся грести к берегу. От взмахов его руки из мешка вылетали новые вещи и сносимые течением, уплывали вдаль. Вещи, как и прежде, были самые разнообразные: четыре деревянных стула, один диван, две скамейки, два деревянных ведра, и последними появились японские бумажные, плавающие фонарики, которые выплыли целой вереницей. За вещами появились домашние животные и птицы: одна собака, одна коза, две свиньи, десяток уток и пять гусей. Один гусь погнался за Фомой, от чего тому пришлось, что было сил грести к берегу. И поскольку гусь, пытаясь уцепиться Фому, не отставал от него, тот добрался до берега, гораздо раньше Злыдни Великана. Вылетев на берег, Фома отбежал от воды на несколько шагов и, обернувшись, посмотрел на гуся, который хотел, было погнаться за ним и дальше, но увидев приблизившегося Злыдню Великана, захлопал крыльями, и поплыл прочь недовольно гогоча. Ну а Фома, когда понял, что гусь больше не вернётся, бросил волшебный мешок на землю, и тут же распластался рядом с ним, закрыв глаза от усталости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.